

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ ЭСТЕТИКИ.

Проф. А. И. Смирнова.

(Продолженіе) ¹⁾.

В. Физиологическія и психологическія основанія эстетической теоріи живописи.

Отъ цвѣтовъ и красокъ мы переходимъ теперь къ формѣ предметовъ, т. е. къ изложенію эстетическихъ условій и законовъ распредѣленія и сочетанія линій, ограничивающихъ предметъ. Цвѣтъ, какъ мы видѣли, зависитъ отъ различнаго возбужденія разнаго рода волоконъ оптическаго нерва; форма зависитъ отъ числа и относительнаго положенія возбуждаемыхъ такимъ образомъ нервныхъ волоконъ. Глазъ, первоначально, можетъ воспринимать лишь протяженіе въ двухъ его измѣреніяхъ, т. е. плоскія фигуры. Это понятно, потому что оптическое изображеніе предмета рисуется на поверхности ретины, слѣдовательно, имѣетъ только два измѣренія, въ высоту и широту; отсюда и зрительное ощущеніе, составляющее результатъ нервнаго раздраженія, можетъ воспроизводить лишь форму предмета на плоскости. Такимъ образомъ, третье измѣреніе пространства, т. е. протяженіе предметовъ въ глу-

¹⁾ См. «Неврологич. Вѣстникъ» за 1893—94 гг.

бину не можетъ быть усматриваемо нами непосредственно. Спрашивается теперь: какимъ же образомъ мы видимъ вещи, какъ намъ кажется, во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ? Вотъ это воспріятіе, это знакомство съ настоящей формой предметовъ пріобрѣтается нашимъ глазомъ мало по малу, постепенно,—является какъ бы навыкомъ, послѣдствіемъ цѣлаго ряда сложныхъ процессовъ, которые когда-то дѣйствительно должны были происходить въ опытахъ зрѣнія, которые отчасти совершаются и сейчасъ, но только бессознательно, т. е. такъ, что мы не сознаемъ ихъ.

Подробное изложеніе образованія пространственныхъ представленій потребовало бы слишкомъ много времени,—мы должны ограничиться самымъ главнымъ и существеннымъ ¹⁾).

Прежде всего мы должны себѣ представить, какимъ образомъ мы воспринимаемъ форму предметовъ, когда смотримъ на нихъ однимъ только глазомъ, т. е. посредствомъ такъ называемаго монокулярнаго зрѣнія. Какъ я замѣтилъ, въ этомъ случаѣ собственно получается плоское изображеніе предмета. Но намъ кажется все-таки, что мы видимъ предметъ не только въ двухъ, но отчасти, по крайней мѣрѣ, и въ третьемъ его измѣреніи. Напримѣръ, мы сразу отличаемъ шаръ отъ плоскаго круга, мы видимъ, что одинъ предметъ отстоитъ отъ насъ дальше, чѣмъ другой, или что предметы, изображенія которыхъ покрываются отчасти изображеніемъ другихъ предметовъ, помѣщаются за ними и т. п. Эти представленія могутъ быть даны монокулярнымъ зрѣніемъ только при помощи постороннихъ вспомогательныхъ средствъ. Мы знакомимся съ формой не однимъ только чувствомъ зрѣнія, но также посредствомъ осязанія и моторнаго чувства, т. е. чувства затраты мышечной энергіи при движеніи нашихъ членовъ, преимущественно, пальцевъ по поверхности предмета, вмѣстѣ съ дру-

¹⁾ Желающіе ближе ознакомиться съ этимъ весьма интереснымъ отдѣломъ психологіи могутъ обратиться къ сочиненію Вундта «Основація физиологической психологіи», или всего лучше къ «Физиологической оптикѣ» Гельмгольца

гими добавочными ощущеніями, зависящими отъ перемѣщенія сухожилій и т. п. Отсюда, непосредственное зрительное впечатлѣніе тѣсно сливается съ впечатлѣніями осязательными и моторными и вызываетъ ихъ по ассоціаціи идей. Поэтому воспріятіе формы знакомыхъ намъ предметовъ и относительнаго размѣщенія ихъ въ пространствѣ совершается въ насъ безъ всякаго затрудненія. Напримѣръ, если я вижу двоихъ людей, стоящихъ другъ передъ другомъ, такъ что голова одного представляется выше головы другаго, то я сейчасъ же, въ силу уже всего моего опыта, знаю, что это два человѣка, а не одинъ съ двумя головами и т. п. Но тамъ, гдѣ намъ не достаётъ такого опыта, наши сужденія о формѣ предметовъ и величинѣ ихъ, объ удаленіи ихъ отъ насъ, о взаимныхъ ихъ разстояніяхъ, становятся шаткими и часто бываютъ ошибочными. Такъ напримѣръ, горы для непривычнаго путешественника обыкновенно кажутся и гораздо меньше и гораздо ближе, чѣмъ каковы онѣ на самомъ дѣлѣ. Ряды горъ или облаковъ, громоздящихся другъ за другомъ на значительныхъ разстояніяхъ, представляются лежащими въ одной плоскости.

Кромѣ ассоціаціи зрительныхъ впечатлѣній съ впечатлѣніями другихъ чувствъ существуютъ еще факты въ области самого зрѣнія, которые помогаютъ намъ въ опредѣленіи формы и разстояній предметовъ. Сюда относятся ходъ и направленіе линій, ограничивающихъ предметы. Прежде всего мы судимъ о разстояніи отъ насъ предмета по кажущемуся восхожденію плоскости почвы. Если основанія предметовъ скрыты отъ насъ, то и сужденіе объ ихъ относительномъ разстояніи становится неточнымъ. Такъ напримѣръ, если мы съ высокаго пункта смотримъ на массу строеній, причѣмъ почва отъ насъ скрыта, то намъ чрезвычайно трудно оріентироваться въ расположеніи домовъ, направленіи улицъ и т. п. Вообще, части пространства, промежуточные между нами и предметомъ, на который мы смотримъ, должны быть отмѣчены такъ или иначе; иначе онѣ будутъ сливаться между собой, и наше сужденіе о разстояніи будетъ ошибочнымъ. Предметъ, въ этомъ случаѣ, кажется

намъ гораздо ближе, чѣмъ въ дѣйствительности. Такъ разстояніе одного берега Волги отъ другаго кажется гораздо ближе и, слѣдовательно, рѣка представляется гораздо уже въ томъ случаѣ, если по линіи зрѣнія нѣтъ никакихъ предметовъ, напримѣръ—судовъ, плотовъ, лодокъ, особенно такихъ, величина которыхъ намъ извѣстна.

Кромѣ того, для оцѣнки настоящей формы предметовъ, въ дѣйствительномъ ли зрѣніи или на рисункѣ, весьма много помогаютъ разныя детали и побочныя обстоятельства. Такъ напримѣръ, фигура лѣстницы, начерченная простыми линіями сдѣлается для насъ яснѣе, если изобразить еще человѣческую фигуру, взбирающуюся по этой лѣстницѣ. Особенно важное значеніе при воспріятіи положенія и формы предметовъ имѣеть тѣнь, бросаемаемая предметами. Болѣе освѣщенные части предмета невольнo намъ представляются выпуклыми и находящимися къ намъ ближе, тогда какъ затѣненные отходятъ отъ насъ вглубь. Такимъ образомъ, кругъ нарисованный совершенно однообразно, т. е. безъ всякихъ оттѣнковъ, воспринимается нами какъ плоскость. Достаточно оттѣнить часть этого круга, противоположную падающему на него освѣщенію, и мы невольнo получимъ впечатлѣніе шара. О выпуклостяхъ и углубленіяхъ на поверхности предметовъ мы судимъ, какъ уже замѣчено, по тѣнямъ, отбрасываемымъ краями этихъ неровностей. Вогнутость представляетъ тѣнь на краю, ближайшемъ къ источнику свѣта, выпуклость—на краю противоположномъ. Измѣняя искусственно это распредѣленіе свѣта и тѣни, мы можемъ вызывать совершенно иллюзорныя сужденія о поверхностяхъ. Возьмемъ обыкновенную рельефную медаль, защитимъ ее отъ свѣта со стороны окна экраномъ, освѣтимъ ее съ другой стороны посредствомъ зеркала,—тогда рельефныя мѣста покажутся углубленными.

До сихъ поръ мы говорили о воспріятіи формъ и пространственнаго размѣщенія предметовъ при такъ называемомъ *монокулярномъ зрѣніи*, т. е. при предположеніи, что это воспріятіе совершается однимъ только глазомъ. Но на самомъ

дѣлѣ, обыкновенно, мы смотримъ двумя глазами,—и вотъ это обстоятельство, что мы, собственно, имѣемъ не одно, а два оптическихъ изображенія, способствуетъ распознаванію формъ и разстояній, лучшему, болѣе точному знакомству съ ними, чѣмъ посредствомъ исключительно монокулярнаго зрѣнія, т. е. зрѣнія однимъ лишь глазомъ. Но и въ этомъ случаѣ существуетъ чрезвычайно важное различіе между зрѣніемъ предметовъ близкихъ и отдаленныхъ,—различіе, играющее весьма важную роль въ живописи, на которое, поэтому, мы должны обратить полное вниманіе. Дѣло въ томъ, что изображенія предметовъ близкихъ къ намъ, падающія на ретину праваго и лѣваго глаза, не вполне одинаковы. Положимъ, мы смотримъ на предметъ кубической формы, на ящикъ или сундукъ, въ недалекомъ отъ насъ разстояніи: лѣвымъ глазомъ мы видимъ не только сторону, прямо къ намъ обращенную, но и нѣкоторую часть лѣвой стороны, убѣгающую отъ насъ въ глубь, тогда какъ соотвѣтствующая правая сторона совсѣмъ не видна,—и наоборотъ, однимъ правымъ глазомъ мы видимъ часть уходящей въ глубину правой стороны, а соотвѣтствующую ей лѣвую не видимъ. Но если мы будемъ смотрѣть на тотъ же предметъ обоими глазами вдругъ, то эти добавочныя боковыя впечатлѣнія слагаются. Тогда мы видимъ не только изображеніе предмета по плоскости, но отчасти и обѣ стороны, уходящія въ глубину по 3-му измѣренію,—предметъ, поэтому, представляется намъ въ рельефѣ, т. е. выпуклымъ. Такимъ образомъ, зрѣніе двумя глазами можно сравнить съ зрѣніемъ двухъ наблюдателей, смотрящихъ на предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и сообщающихъ другъ другу свои впечатлѣнія.

На этомъ совпадении двухъ нѣсколько различныхъ ретинныхъ изображеній предмета основано дѣйствіе *стереоскопа*. Стереоскопъ производитъ полную иллюзію рельефа: изображеніе, разсматриваемое чрезъ него, представляется во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ, т. е. такъ, какъ мы видимъ вещи въ дѣйствительности. Для стереоскопа, какъ извѣстно, готовятъ

два рисунка одного и того же предмета, съ разныхъ точекъ зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія лѣваго и праваго глаза. Эти рисунки, такимъ образомъ, суть подражанія тѣмъ изображеніямъ, которыя отбрасываются однимъ и тѣмъ же предметомъ на сѣтчатки обоихъ глазъ. Увеличительныя стекла, чрезъ которыя мы смотримъ на эти рисунки, помѣщаются такъ, что они заставляютъ сводить глазныя оси совершенно такимъ же образомъ, какъ будто бы мы смотрѣли обоими глазами на одинъ предметъ. Если рисунки сдѣланы правильно и стекла помѣщены вѣрно, т. е. въ надлежащемъ разстояніи отъ двойной картинки, то получается совершеннѣйшая иллюзія рельефа: мы видимъ изображенные предметы, дома, улицы, людей, ландшафты, не только въ плоскости, но и въ глубину, слѣдовательно — во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ, какъ это бываетъ въ дѣйствительности. Иллюзія бываетъ на столько сильна, что она остается, не смотря на то, что мы все время сознаемъ, что смотримъ въ стереоскопъ на картинки, а не на дѣйствительныя вещи. Это дѣйствіе стереоскопа, повторяю, происходитъ оттого, что онъ искусственно воспроизводитъ тѣ условія, которыя, естественно, имѣютъ мѣсто при бинокулярномъ воспріятіи зрѣніемъ предметовъ близкихъ къ намъ.

Что касается предметовъ отдаленныхъ, то относительно ихъ бинокулярное зрѣніе не можетъ служить вспомогательнымъ средствомъ въ опредѣленіи ихъ разстояній и положенія ихъ частей, т. е. ихъ формы. Причина заключается въ томъ, что изображенія отдаленныхъ предметовъ, падающія на сѣтчатая оболочки обоихъ глазъ, не представляютъ того различія, которое существуетъ въ изображеніяхъ предметовъ близкихъ. Слѣдовательно, здѣсь не достаетъ самаго существеннаго условія стереоскопическаго зрѣнія, — предметъ разсматривается не съ двухъ, а только съ одной точки зрѣнія, однимъ, а не двумя наблюдателями, слѣдовательно, нѣтъ дополненія и повѣрки наблюденій. Но за то здѣсь, т. е. при разсмотрѣніи предметовъ отдаленныхъ, получаютъ больше значенія разныя побочныя обстоятельства, которыя служатъ для

насъ знаками, какъ бы указателями разстояній и формъ такихъ предметовъ. Эти обстоятельства, отчасти, были уже указаны, когда мы говорили о монокулярномъ зрѣніи. Таковы, на примѣръ, ясность, или неясность впечатлѣній и кажущаяся величина предметовъ, особенно—въ томъ случаѣ, когда дѣйствительная ихъ величина намъ уже извѣстна.

Кажущаяся величина предмета зависитъ отъ величины *угла зрѣнія*, подъ которымъ мы смотримъ на него. Чѣмъ ближе предметъ къ глазу, тѣмъ больше и уголъ зрѣнія, образуемый крайними его точками и глазомъ; и наоборотъ, съ постепеннымъ удаленіемъ предмета, уголъ зрѣнія уменьшается и предметъ кажется меньше. Такимъ образомъ, кажущаяся величина предмета сравнивается нами съ дѣйствительной величиной и служитъ показаніемъ его разстоянія отъ насъ. Относительно отдаленія мало знакомыхъ предметовъ мы часто впадаемъ въ ошибки: на примѣръ, мы рѣдко видали вблизи тѣ кресты, которые ставятся на церквахъ и колокольняхъ, а потому думаемъ, что они дѣйствительно таковы, какими намъ кажутся; поэтому, на основаніи кажущейся величины, не можемъ опредѣлять и ихъ разстоянія.

Объ удаленіи мало знакомыхъ предметовъ мы судимъ по сравненію ихъ съ величиною предметовъ хорошо извѣстныхъ: людей, деревьевъ, домовъ и т. п. Такъ въ выше приведенномъ примѣрѣ, если на крестѣ колокольни мы увидимъ работника, то его кажущаяся величина, положимъ—въ трое меньше кажущейся величины креста, уже даетъ намъ возможность судить о дѣйствительной величинѣ этого послѣдняго. Когда мы въ первый разъ видимъ высокія горы, то съ значительнаго разстоянія онѣ представляются не слишкомъ высокими. Деревья, растущія по ихъ склонамъ, легко принять за невысокій кустарникъ. Лишь послѣ, когда увидимъ въ бинокль, что это большія сосны, будемъ въ состояніи оцѣнить и громадныя размѣры горъ, а, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ также яснѣе сознаемъ и то, что онѣ еще весьма далеко отъ насъ находятся.

Уменьшеніе угла зрѣнія, вмѣстѣ съ удаленіемъ предмета, и направленіе его контуровъ составляютъ элементы *перспективы*. Предметы одинаковой величины представляются намъ тѣмъ меньше, чѣмъ они отъ насъ дальше. Рядъ такихъ предметовъ, убѣгающій отъ насъ въ глубину зрительной сцены, составляется, такимъ образомъ, изъ предметовъ постепенно уменьшающихся по своей кажущейся величинѣ. Двѣ параллельныя линіи, удаляющіяся отъ глаза, будутъ казаться сходящимися подъ нѣкоторымъ угломъ, потому что разстояніе между ними будетъ казаться все меньшимъ и меньшимъ, смотря по удаленію. Поэтому и два ряда предметовъ, расположенныхъ по такимъ линіямъ, будутъ казаться постепенно сближающимися.

Эти измѣненія въ видимой величинѣ предметовъ и въ направленіяхъ ихъ контуровъ составляютъ то, что называется *линейной перспективой*. Законы этихъ измѣненій,—пропорціонально величинѣ предметовъ ихъ взаимнымъ разстояніямъ между собой и отъ наблюдателя,—опредѣляются математически и должны быть соблюдаемы въ живописи и архитектурѣ, гдѣ они становятся еще сложнѣе, сообразно съ особыми условіями этихъ искусствъ. Намъ придется еще касаться линейной перспективы при болѣе подробномъ изученіи этихъ искусствъ. Теперь мы замѣтимъ лишь, что точное исполненіе законовъ перспективы заставляеть насъ невольнo истолковывать всякое изображеніе на плоскости въ смыслѣ третьяго измѣренія пространства. Постепенно уменьшающійся и суживающійся рядъ предметовъ, рисующійся на плоскости сѣтчатой оболочки, намъ кажется убѣгающимъ отъ насъ въ глубину, если строго соблюдены всѣ законы линейной перспективы. Природа, т. е. дѣйствительныя вещи, видимыя нами, всегда соблюдаетъ эти законы, но въ изящныхъ искусствахъ, подражающихъ природѣ, они должны быть воспроизводимы искусственно,—и въ этомъ состоитъ одна изъ важнѣйшихъ и наиболѣе трудныхъ задачъ этихъ искусствъ, особенно, живописи. Замѣтимъ, что въ очень далекихъ предметамъ, каковы горы, облака и т. п.

условія обыкновенной перспективы неприменимы и, поэтому, эти предметы представляются въ одной плоскости. Въ такихъ случаяхъ сужденіе о разницѣ разстоянія предметовъ возможно только при помощи такъ называемой *воздушной перспективы*.

Въ воздухѣ, особенно въ его нижнихъ слояхъ, содержатся водяные пузырьки; вслѣдствіе чего предметы, при возрастающемъ удаленіи, являются менѣе ясными и, при этомъ, получаютъ еще голубой, или синеватый оттѣнокъ при небольшой силѣ свѣта, и красный—при сильномъ освѣщеніи. Такъ, горы на горизонтѣ представляются синеватыми, восходящее и заходящее солнце и окружающія его облака, а также и горныя вершины, освѣщаемыя лучами солнца, окрашиваются въ пурпурный цвѣтъ. Такимъ образомъ, воздушная перспектива находится въ зависимости отъ погоды. Если воздухъ чистъ и сухъ, свободенъ отъ тумана и паровъ, то горизонтъ кажется лежащимъ къ намъ ближе. Наоборотъ, при густомъ туманѣ предметы представляются болѣе удаленными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько увеличенными.

Другое дѣйствіе атмосферы, зависящее отъ содержащагося въ ней большаго или меньшаго количества водяныхъ паровъ, состоитъ въ прибавленіи сѣроватаго оттѣнка при большемъ ихъ количествѣ и отсутствіи этого оттѣнка при меньшемъ. Въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ, вслѣдствіе этой причины, даль рѣдко представляется чисто-синеватой; она, обыкновенно, содержитъ сѣроватый оттѣнокъ,—какъ будто бы мы смотримъ на нее сквозь вуаля, ослабляющаго свѣтъ и смягчающаго краски и тѣни. Наоборотъ, чрезвычайная чистота и отчетливость южнаго пейзажа обуславливается, именно, сравнительной чистотой и прозрачностью южной атмосферы. Художникъ обязанъ, конечно, знать эти обстоятельства, чтобы искусно пользоваться воздушной перспективой. Она служитъ для него однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ дѣлать чувствительнымъ для зрителя третье измѣреніе пространства, показывать предметы на ихъ настоящемъ разстояніи. Она служитъ

для него средствомъ вѣрно подражать дѣйствительности и производить эффекты, совершенно аналогическіе съ тѣми, которые происходятъ въ природѣ.

До сихъ поръ, говоря о воспріятіи формы и разстояній, большею частію, мы предполагали одинъ, или оба глаза неподвижными. Только когда намъ пришлось говорить объ оцѣнкѣ разстоянія предметовъ на основаніи угла зрѣнія, зависящаго отъ конвергенціи, т. е. сведенія глазныхъ осей, то, конечно, мы приняли уже во вниманіе и *движенія глазъ*. Но эти движенія происходятъ во всѣхъ зрительныхъ актахъ и имѣютъ весьма важное значеніе во всѣхъ пространственныхъ воспріятіяхъ. Наши глаза весьма рѣдко бываютъ вполнѣ неподвижны и весьма недолго могутъ быть въ такомъ положеніи. Обыкновенно, глаза находятся въ непрерывномъ движеніи, т. е. перемѣняютъ свое положеніе, вмѣстѣ съ чѣмъ и точка фиксаціи непрерывно перемѣщается. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайно важное значеніе во всѣхъ пространственныхъ воспріятіяхъ. Неподвижнымъ глазомъ мы можемъ обозрѣвать лишь весьма незначительную часть зрительнаго пространства и, притомъ, съ ясностью можемъ видѣть только центральную часть его; такъ какъ лишь средняя часть сѣтчатки, обильно снабженная развѣтвленіями оптическихъ нервовъ, обладаетъ способностью яснѣйшаго зрѣнія. Но, благодаря движенію глазныхъ яблоковъ, мы можемъ перемѣщать эту центральную часть ретины и, такимъ образомъ, ясно видѣть всѣ части зрительнаго поля. Совершенно также, неподвижными глазами мы могли бы различать форму предметовъ только мелкихъ, тогда какъ при воспріятіи формы предметовъ крупныхъ требуется движеніе глаза по линіямъ, ограничивающимъ, или составляющимъ эту форму. Эти движенія совершаются съ такой быстротой, что намъ кажется, будто мы моментально, однимъ взглядомъ можемъ охватывать громадные предметы и широкіе кругозоры.

Мы не имѣемъ возможности изложить полной теоріи движеній глаза, которыя слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ,

строго опредѣляемымъ положеніемъ глазныхъ яблоковъ, а также расположеніемъ и сокращеніемъ глазныхъ мышцъ. Вотъ, по крайней мѣрѣ, простѣйшія, элементарныя данныя относительно этого предмета. Всѣ движенія глаза сводятся на вращенія около одной неподвижной точки, лежащей въ глазной впадинѣ. Вращеніе глаза около этой точки обусловливается шестью мышцами, изъ которыхъ каждыя двѣ, дѣйствуя какъ антагонисты, образуютъ мышечную пару. Эти пары суть наружная и внутренняя прямая, верхнія и нижнія прямая, верхнія и нижнія—косыя. Нѣкоторыя движенія глаза совершаются съ помощью только одной пары глазныхъ мышцъ, другія—требуютъ участія двухъ и, наконецъ, существуютъ такія движенія, которыя могутъ происходить не иначе, какъ съ помощью всѣхъ трехъ паръ глазныхъ мышцъ.

Условія зрѣнія требуютъ, конечно, вполне приспособленныхъ для этой цѣли глазныхъ движеній. Важнѣйшій законъ этихъ движеній открытъ Листингомъ и носитъ названіе *Листингова закона*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: существуетъ опредѣленное исходное положеніе глаза, начиная съ котораго горизонтъ сѣтчатой оболочки при всѣхъ движеніяхъ сохраняетъ свое первоначальное направленіе. Это значитъ, что глазъ, выходя изъ своего первичнаго положенія, не теряетъ первоначальнаго ориентированія, въ какомъ бы направленіи ни происходило вращеніе. Изъ этого правила вытекаетъ то механическое слѣдствіе, что всѣ движенія, имѣющія исходной точкой первичное положеніе, совершаются около постоянныхъ осей, изъ которыхъ каждая перпендикулярна, въ точкѣ вращенія, къ плоскости движенія линій зрѣнія, и что всѣ эти оси лежатъ въ одной плоскости, перпендикулярной въ точкѣ вращенія къ первичному направленію линій зрѣнія. Конечно, безъ демонстрацій и рисунковъ не легко понять сущность этого закона. Приблизительно его можно объяснить такимъ образомъ. Глаза могутъ переходить изъ одного положенія въ другое на разные способы и многими путями, но на самомъ дѣлѣ этотъ переходъ изъ одного даннаго положенія въ дру-

гое совершается всегда одинаковымъ образомъ, такъ какъ избирается исключительно одна форма движенія, наиболѣе, благопріятная для зрителя и, притомъ, такая форма, въ которой движеніе совершается съ наименьшей затратой мышечной силы.

Вотъ съ этой-то стороны, собственно, законъ Листинга и имѣеть интересъ для эстетики, такъ какъ имъ всего лучше объясняется *эстетическое значеніе формы предметовъ*.
